

À jurem manuscriptum.log

Против опрощения.

Парадоксальный факт: высшим общественно-политическим чаянием и Льва Толстого (противника любого насилия), и Салота Сара (по сути единственным орудием власти которого стало тотальное насилие) de facto было одно и то же опрощение, персонифицированное в «Войне и мире» в совершенно безличной и безытной фигуре Платона Каратаева. Но ни изощрённая проповедь первого, ни столь же изощрённый террор второго, не смогли и никогда не смогут сделать это чаяние как таковое, достоянием сколь-нибудь широких масс, ибо жизни *toto genere* отнюдь не свойственно стремление пассивно плыть по течению à la Ёжик из известного норштейновского мультика. Ей, напротив, свойственна экспансия, определённая направления которой порождает в ходе эволюции живого, сперва сознание, как рефлексию об этом направлении, а затем, не менее закономерно, — личность, как вместительное долговременное и оперативное памяти о таковых рефлексиях, с целью дальнейшего подробного целеполагания своей экспансии посредством совокупного анализа всех прошлых рефлексий. Ни чуть не менее свойственен жизни и быт, понимаемый как орудийная среда, посредством которой сознание стремится достигнуть и часто достигает своей, всё более усложняющейся, цели. Даже если «говорящим орудием», т. е. невольником (по характеризующему смысл предмета выражению Аристотеля), здесь выступает Другой, т. е. обычно немного менее развитое сознание с собственной орудийной средой.

«И смотрит блондинка, меняясь в лице,
Как, сам удивляясь себе,
Один жеребец на другом жеребце
Гарцует на встречу судьбе»

— Ю. Нестеренко.

Иными словами, господа, как правило, лишь немногим умнее — а в оптимальном, т. е. спартанском, варианте ещё и чисто физически крепче! — своих слуг.

В самом деле, случай гениального баснописца Эзопа, попавшего в рабство к придурковатому мыслителю Ксанфу, был настолько нетипичен, что стал притчей во языцех; Платон оказался в рабстве из-за собственной в первую очередь, аристократической наивности (над чем, кстати, непромедлил язвительно посмеяться киник Диоген), возмечтав сделать просвещённого государя из заурядного тирана Дионисия II. Архимед же, будучи уже стар и достаточно известен в качестве превосходного учёного, предпочёл смерть позору римского рабства...

Скажите, что моё утверждение относится только к рабовладельцам древности. Но ведь и хозяева всех последующих эпох были, за редким исключением,

À jurem manuscriptum.log

более временщиками, всецело поглощёнными текущей борьбой за власть, нежели прозорливыми стратегами (А. де Решильё, П. А. Столыпин), и в мыслях недопускающими возобладания в своём кругу настроения типа «Après moi le déluge!» со всеми его катастрофическими последствиями. Ну и чем, спрашивается, такое положение хозяев лучше, в долгой перспективе, для развития способности суждения и волевых качеств, чем положение слуг, поглощённых в неменьшей мере добычею насущного хлеба?! Разве что чуть бóльшим разнообразием текущих вопросов...

Сделать массы — и то лишь на какое-то время! — платонами каратаевыми, уничтожив бóльшую часть орудий человечества и ещё больший объём его памяти, могла бы разве что мировая термоядерная война. И не приведи Бог, если этот оборот событий в ближайшем будущем окажется (либо просто померещится) для мировой властной верхушки единственным способом сохранить (хотя бы в урезанном виде) свои преимущества!.. Но его нельзя считать пустой фантазией, ибо нечто похожее, судя по всему, уже имело место в не столь уж отдалённом от нас прошлом.

Из заметок Максима Кантора на, если не изменяет память, «Осьминоге»: «В XX веке планировали совершить мировую революцию — но вместо революции устроили мировую войну.

Мировую войну сделали вместо революции, чтобы революции не было.

Мировую войну сделали от испуга перед переменами, который несла революция, желая остановить этот самый «мировой пожар», который революционеры раздували по всему миру. И этот мировой пожар планомерно тушили по всему миру — ещё бóльшим пожаром. «Где спрятать лист?» — спрашивает Честертон, и отвечает: «в лесу». А где спрятать мёртвое тело? Среди других мёртвых тел. А как спрятать мировой пожар революции? Только в огне мировой войны. И этот огонь запалили.(...)

Черчилль перед началом второй фазы [этой] войны сформулировал положение дел предельно просто: «Мы хотим сохранить имеющиеся у нас преимущества».

Последствия того, что идею мировой революции заменили идеей мировой войны — мы видим сегодня».

Впрочем, практически всякая попытка в наши дни совершить мировую революцию, бесспорно, ведёт ровно к тому же результату — мировой термоядерной войне.

А отчаянное искушение спалить к чертям всё, весь более-менее обустроенный быт, как палит Настасья Филипповна пачки денег в «Идиоте» Ф. Достоевского, будет, в обозримом будущем, по всему миру лишь нарастать. Важнейшие причины этого таковы.

À jurem manuscriptum.log

Во-первых, даже самым упёртым противникам любой разновидности социализма, стало предельно ясно, что порог роста справедливости распределения при капитализме уже достигнут: 82% годового дохода планеты достались в прошлом и позапрошлом годах только 1% её жителей. И это, с одной стороны, — при беспрецедентном росте числа миллиардеров, когда новый миллиардер появляется, в среднем, каждые два дня, а с другой — при том, что 9% занятого населения старой части Евросоюза, т. е. одного из наиболее обеспеченных регионов мира, не имеют средств даже на отопление собственных жилищ. В силу этого достижения, капитализм будет чем дальше, тем больше плодить временщиков-аферистов, а не производителей.

Во-вторых, даже самым горячим сторонникам социализма ныне, из всего опыта XX века, столь же ясно, что подлинно социалистическое, плановое хозяйство (как, кстати, и кантовский Вечный мир во всём мире) требует воистину сверхчеловеческого распределения, в свою очередь, требующего такого всесторонне мудрого управления, которое явно не под силу тому, чей ум лишь на воробьиный скок глубже ума его слуги.

В общем и те, и другие впали в ступор из-за ставшего очевидным цивилизационного тупика, успешно выйти из которого можно лишь перестав быть чисто биологическим феноменом под именем homo sapiens.

И из этого осознания невозможности своими силами, без того, чтоб полностью оказаться под пятой искусственного интеллекта, увеличить справедливость мироздания, рождается небывалое никогда прежде отчаяние, доходящее volens nolens до стремления опростить быт любой ценой, и, соответственно, — мирозлобие. А что такое мирозлобие, как ни чуловищная концентрация того самого духа злопамятства и мстительности (т. е. горечи несбывшихся надежд, оседающей на стенках личности, как вместилища памяти), который символизирует змея, заползающая в рот пастуху и душащая его, во сне ницшевского Заратуштры?! Заратуштра, как известно, призвал тогда пастуха откусить ей голову, т. е. оставить всякое намерение мести, простив всё. Вот только возможно ли это рационально обоснованное прощение для большей части человечества, по части сдерживания своих чувств, не так уж далеко ушедшей от животных?

Но ведь если все, от кого хоть что-то зависит в судьбах мира, не смогут, не решатся откусить голову змее мирозлобия, неминуемы станут бомбы, взрывы, миллиарды людских и звериных тел, гниющих непогребёнными, на многие столетия изувеченная природа, и прочие, уже плохо вообразимые, постыдающие ужасы... И это — ещё не самый скверный оборот событий из возможных!

Однако, пропасть между мудростью и повседневным, руководимым, прежде всего, сиюминутными нуждами своего чрева, сознанием на этом свете всегда

À jurem manuscriptum.log

такова, что как бы долго ни вилась верёвочка, т. е. сколько бы все мы ни старались (иногда успешно, но чаще — нет) отсрочить этот ужасный конец, прав окажется всё же Г. С. Сковорода, писавший: «Не вините міра: невинен сей мертвец». Мудрость, как явствует из теории познания М. М. Бахтина, есть результат привычки к неспешному любовному всматриванию в предмет и среду, где он возник. Эта добрая привычка, в силу общей суетности міра, проявляющейся в преимуществе чревного интереса, всегда встречалась не часто даже у людей, облечённых большой ответственностью. Ныне же, в міре буквально утопающем в горечи несбывшихся надежд, она — редка несказанно. Более того, даже полная победа рукотворной жизни, т. е., в её первом явлении, — искусственного интеллекта, существенно сократив продолжительность каждого последующего витка эволюции, в силу совместного действия теорем Шеннона и Мура, вряд ли сколь-нибудь серьёзно уменьшит дефицит мудрости в міре.

При всём этом неолибералы (они же, по сути, — трюккисты), будучи слишком высокого мнения о способности суждения среднего человека, никогда не оставят намеренья тем или иным способом совершить міровую революцию. Ибо, как я уже, правда, немного другими словами, писал в моей заметке «К критике установки Всеединства», засилие неолиберальных взглядов в головах современного западного человека есть результат смерти его вечно ищущего совершенства фаустовского духа (*der Geist*) — ведь восклицая: «Остановись мгновенье, ты — прекрасно!», гётевский Фауст умирает. А возомнив наличного человека столь совершенным, что дальнейшее его совершенствование уже не нужно и едва ль возможно, всякий, несомненно, захочет уничтожить все внешние преграды, мешающие этому совершенству проявляться, — став, таким образом, своеобразным конденсатором мірозлобия. Именно это происходит со всяким, доводящим до логического завершения мысль о собственной богоизбранности, и предельную форму таковой — идею боговоплощения, осуществившегося во всеедином міре.

Вот то, чем, выражаясь образно, Агасфер мало-помалу подчинил себе Фауста, в конечном счёте, умертвив его дух. Ибо что же такое агасферов дух, — то, чем веками жил народ, лишённый Отечества и государства! — как ни замешенное на неколебимой вере в собственную богоизбранность, злопамятство в отношении всех, кто хоть как-то с этим не согласен?! И удивительная изощрённость Агасфера на всём протяжении Изгнания в делах финансовых, а равно, в каббалистике, свидетельствуют о неослабевающем интересе его к знанию (*gnósis*) о потаённом механизме, т. е., попросту, о подноготной міроздания, — интересе, часто завершающимся успешным обретением сего знания. Впрочем, об этом речь в другом месте.

À jurem manuscriptum.log

В самом деле, любая форма Всеединства eo ipso утверждает неминуемость чуда (например, Спасение верующего неминуемо в силу, собственно, факта Боговоплощения), впадая тем самым в гордыню утвердительного суждения о том, о чём, по более вдумчивом рассуждении, и говорить не следует. Поскольку говоря о неминуемости чуда, всякий волей-неволей отрицает не только сугубо спонтанный характер этого события в ряду прочих событий явленного мира, но, что гораздо выжнее, основополагающее значение свободного субъекта («наблюдателя» — выражаясь языком современной физики) в этом событии. А потому, бесспорно, прав не только Иоанн Златоуст, утверждавший, что «неверующего и Христос не пользует ни мало», но и Иммануил Кант, отметивший в трактате «Об изначально злом в человеческой природе»: «Каким образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, — это выше нашего понимания...». Ставя чудо в ряд событий необходимой причинности, всеединцы обезценивают слово, коим это утверждение произносится и пишется, множа тем самым на планете и без того полноводный поток горечи от несбывшихся надежд.

Но, возвращаясь к нашему исходному парадоксу, напрашивается вполне разумный вопрос: «Не оттого ли анархизм, разновидностью коего, несомненно, является толстовщина, столь часто соскальзывает в бандитизм с немедленным установлением тирании главаря банды (тот же, к примеру, атаман Никифор Григорьев на Украине в Гражданскую), что он (анархизм) никогда не учитывает, просто-таки вьупор не видит, стремления к целенаправленной экспансии, присущего, хотя бы и в скрытом виде, всему живому; как не признаёт анархизм и бытйной укоренённости права (что, между прочим, делает это право на практике неотъемлемым!) сильного и умственно более развитого вести за собою, а, если надо, и тащить волоком, всякого слабого и недоразвитого?» Обратный же вопрос о том, скатывается ли тирания к самодурству не только собственно тирана, но и мелких чинуш на местах, только в силу того же самого недочёта или ещё из-за чего-нибудь, лишён всякого смысла, ибо любая тирания ipso facto враждебна свободе частного лица.

«Общим знаменателем» тут выступает лишь знаменитое карамзинское: «Гони природу в дверь, она влетит в окно» — если только вообще допустимо называть словом «природа» свободу, которую тщетно пытается изгнать тирания; тогда как анархизм столь же тщетно гонит именно самую природу, проявляющуюся, прежде всего, в иерархическом упорядочении смыслов (eídoi) мира. Бесспорно, однако, что слово «природа» может быть применено к понятию (Begriff und eídōs) свободы, за необходимостью смыслового мэона (tó méon) в качестве бытйного основания свободы. Ведь без мэона

À jurem manuscriptum.log

смысловой порядок міра (kosmós poētos) наверняка утратил бы всю свою подвижность, ибо что же такое есть мэон, как ни пренебрежимо малая сопоставимость (её можно, чуть огрубляя, называть несопоставимостью) энергийного напряжённого смежных мест (chronótopoi) міра, понимаемого как пространственно-временной и причинно-следственный континуум, без которой не было бы никакой «полости» для движения, а, значит, и самого движения? Вот из-за этой-то несопоставимости, в силу непреходящей смысловой нужды в ней, в міре всегда сосуществуют параллельно два вида причинности: причинность необходимости и причинность свободы. Однако несопоставимость эта относится не только к «полости», т. е. свободному пространству, в качестве возможности для движения. Ведь и сам по себе момент свободного выбора (chronótopos thélētos) так же исчезающе мал по времени в ряду прочих, по большей части сугубо объективных, причин (т. е. доводов в пользу) сего выбора, как плотность «полого» пространства — в сравнении с плотностью движущегося в нём тела. Меж тем, не будь этой последней капли в чаше доводов pro et contra, выбирающий так и остался бы, подобно буриданову ослу, на развилке между несколькими вариантами поворота дальнейших событий. И лишь будучи исчезающе малой величиной, мэон может способствовать выполнению (für Wirklich) событий, вероятность которых без учёта присутствия мэона, — совершенно ничтожна, как, в частности, оно имеет место с возникновением первых одноклеточных из так называемого протобульона. Вот почему довольно правдоподобной выглядит гипотеза, согласно которой момент выбора, принадлежа сразу и к области сознания, и к области бытія, есть, по сути, явление квантовой физики, поскольку таковые явления eo ipso предусматривают наличие наблюдателя. Однако прямые доказательства этому, ввиду их предельной сенсационности, наука вряд ли когда-нибудь обретёт. Ибо какой, в самом деле, серьёзный учёный согласится признать действительностью, а не ошибкой при проведении опыта или расчёта, ситуацию, когда малозначимая причина полностью спонтанно вытягивает себя, à la Münchhausen за косицу собственного парика, из ряда остальных, более веских, причин в статус субъекта и главного распорядителя дела? «О чём нельзя говорить, надлежит молчать».

Марат Зуф. Салихов, 8. 2. 2018 г.